

БОРИС ЧЕЧЕЛЬНИЦКИЙ

ФОРМЕННОЕ БЕЗОБРАЗИЕ

Борис Чечельницкий

Форменное безобразие

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57451232

Чечельницкий Б. Форменное безобразие: Геликон Плюс; Санкт-

Петербург; 2020

ISBN 978-5-00098-270-9

Аннотация

Борис Чечельницкий обладает двумя редкими качествами. Во-первых, он виртуозен – до такой степени, до какой вообще может быть виртуозен человек, пишущий стихами. Создается впечатление, что Борис может сказать стихами все, что угодно. Впрочем, это скорее характеризует его как литератора-профессионала. Во-вторых, он умеет писать смешно, а это умение встречается едва ли не реже виртуозности. При этом он не сатирик. Он никого не ненавидит и не высмеивает, его шуткам чужды злость, едкость или цинизм. По большей части природа комизма в стихах Бориса – языковая. И вот здесь-то начинается настоящее волшебство, не соотносимое ни с чем, кроме беспримесного искусства поэзии. Чечельницкому нет дела ни до чего земного: он только слышит и фиксирует сочетания звуков, порождающие смех.

Содержание

Крупное форменное безобразие	5
Заметки на непаханых полях	5
Из материалов Пенсил-клуба	9
О жизни замечательных людей	9
Снегурочка	14
Три мушкетера	18
Мастер и Маргарита	21
1	21
2	22
Собака Баскервилей	23
Обломов	26
По мотивам произведений М. Горького	28
Капитанская дочка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Чечельницкий

Форменное безобразие

Стихи

© Чечельницкий Б., текст, 2020.

© Гинзбург А., иллюстрации, 2020.

© Геликон Плюс, оформление, 2020

* * *

Крупное форменное безобразие

Заметки на непаханых полях

Кот диктует про татар мемуар.
В. С. Высоцкий

Тернистый путь пройдя до тротуара,
Окинув взором неоглядный шлях,
Он подбирал слова для «мемуара»

На девственно непаханых полях...
Кудрявый пацаненок из детсада
В коротких шортах, в розовых соплях,

Был зелен и ухожен, как рассада,
Но созревать отправлен не в парник,
В чем сердцу ни надрыва, ни надсада:

Он классный парень, ибо – ученик.
Не вундеркинд с прицелом на «маэстро»:
Пятерками не жалует дневник.

Достоин юниор приставки «экстра»
Лишь тем, что не левша и не правша.

Генетика уменья амбидекстра

В наследство припасла для малыша.
Что чем хватать по-прежнему загадка
И чем плести коленца, антраша:

Коряво пишет, двигается шатко.
Вручили очень средний аттестат.
Дилемма раздвоилась, как рогатка:

В какое встрять из двух возможных стад —
К станку и верстаку или за парту?
А Госкомпресс, тем паче Госкомстат

Не звали к постмодерну и поп-арту.
И двинул в пролетарии школяр,
Воспевший в рифму Ленинград и Тарту

И всё окрест, что видел окуляр.
Настало время воинского долга.
В том, как махал лопатой столяр,

Ни прока для отечества, ни толка.
Любя устав, как исламист талмуд,
Он, долг вернув, переживал не долго

И нацепил супружеский хомут.
Семья в пеленках, при смерти держава,
В карманах – ветер, узы часто жмут.

В мозгу – Высоцкий, Галич, Окуджава,
Что крайне не типично в двадцать два,
Но выглядит парнишка моложаво

И делает слова, слова, слова
И тумбочки в грязи, пыли и чаде.
Способствует рождению существа.

Жена велит заботиться о чаде.
Поэтому, пеленки постирав,
Читает колыбельную о Чаде,

Где бродит возле озера жираф,
И бродит сам, бурля и закипая,
В надеждах, но без денег и без прав,

Зато она – такая прелесть – пая.
Таскать и тискать – разве не искус.
С тех пор ему понравилась папайя

Звучаньем (не распробовал на вкус).
Бюджет семьи давно вдыхает ладан;
Не прикупив билет до Сиракуз,

Он на Париж наскреб и Баден-Баден,
А с прочим перебьется как-нибудь.
Понять бы только – выбран или задан,

Ошибочен ли, верен этот путь;
И сможет в ходе пахоты, пехоты,
Подпрыгнув, на ходу переобуть

Какие-нибудь боты-сороходы?

Из материалов Пенсил-клуба (Продолговатые опусы о литературных и исторических, реальных и сказочных персонажах)

О жизни замечательных людей За СТО¹ по сто

Не в чистом поле, даже не в Лодейном,
Чуть с бодуна и малость подшофе,
В дешевом заведении питейном
С названием «Дорожное кафе»
Во мне открылось общее с Эйнштейном,

Не самому, помог один эксперт.
Идти не мог, но был довольно ноский.
И на меня взглянув, как на мольберт,
Как у Гайдая: «Кеша?! Смоктуновский?!» —
Он заорал: «Эйнштейнушка! Альберт!»

¹ причем СТО – не числительное в именительном падеже, не станция техобслуживания, не почивший в бозе петербургский телеканал, а Специальная теория относительности Альберта Эйнштейна.

У нас свои душевные хворобы,
А этот, обознавшийся корчмой,
Упорно звал меня на кинопробы,
Когда пришло в Купчино, домой...
Чернил бы мне, гусиное перо бы.

– О, свет мой с амальгамою, скажи,
Зачем я, сединою убеленный,
С разгону влип в такие типажи?
Как физик – ноль, стократ на ноль деленный,
Как Буратино или же Кижы —

Такой же деревянный, но уныню
Не предаюсь: мы в чем-то, да близки:
Биограф пишет, как дружил с латынью,
По остальным случались тройки.
Выходит, жизнь не вся горчит полынюю.

Вот у него с французским нелады,
И я плутаю в этой ахинее.
Еврейские прабабки и деды —
Не Ротшильды, а несколько скромнее.
Украинцы сказали бы: «Жида».

Жизнь потекла, как мед или сливянка.
Цеди ее по капле, не разлей.
Вот у него жена была славянка,
На столько же, по паспорту, взрослей
И добрая, хоть не самаритянка.

Писать мы оба начали с ранья.
В утиль переводили канцтовары.
Публиковаться раньше начал я.
Сопоставимы были гонорары.
Да, мастера чеканки и литья

Монеты нам варганили из меди,
Но в прикупе он взял козырный туз...
Его жена училась в ихнем меде.
Моя у нас заканчивала ВТУЗ,
И иногда у нас рождались дети.

Я тоже на две трети водянист,
Да и в стихах воды не слишком мало,
Я тоже пацифист и гуманист.
Премируют потом, в конце квартала.
Он мог на скрипке, я как пианист

Отчаянно луплю клавиатуру.
На Нобелевку, думаю, пока
Не выдвинут мою кандидатуру.
С квартальной доползу до кабака,
Где мой эксперт пугает клиентуру.

За СТО по сто – и разум исцелен,
И рассосутся язвы нервных хворей.
Носить пьянчуг мне нравилось с пелен.
Я в смысле относительных теорий

Не гуру, но на практике силен.

Снегурочка

(Сказка)

Дело было в Комарове.
Хвойной лесополосой
Шли навстречу, хмуря брови,
Скалясь, словно волк с лисой,
В снежном чавкая покрове,
Очень близкие по крови
Дед и барышня с косой.

(Un moment, внесу поправку,
И она уместна тут:
Той косой не косят травку,
Радиальных амплитуд
Ей не чертят, выдав справку,
Не готовят в морг отправку.
Из волос ее плетут).

С холодца ли, с оливье ли,
Чёрт-те чем глаза залив,
Или вовсе недоели,
Но за ворот и за лиф
Заложили. Мыслят еле.
Дела нет им ни до ели,
Ни до трассы на залив...

Как же так? За что радея,
Мчат от вечных Филь и Алл
В королевство Берендея,
В комаровский филиал?
По призыву чародея:
Мол, расширить есть идея
Русских сказок ареал.

И столкнулись возле елки,
Напрягая черепа,
Старикан не в эспаньолке,
А с лопатой до пупа
И мадам с косой и в челке,
В синей вышитой ермолке,
Словно в Хайфе у попа.

Тюкнул остро, как заточка,
Чародейский биоток:
Дескать, вы – отец и дочка,
А не внучка и дедок.
ДНК – порукой. Точка,
И не прыгайте с мосточка,
Потому что там каток.

Даром времени не тратьте,
Помолитесь богу Ра
И того же бога ради
Не шумите до утра.

В девять тридцать скажешь бате,
Что тебя достали пати
И что замуж уж пора.

Сварим зелья в нужных дозах,
Мужикам повысим МРОТ,
Подзарядим дедов посох,
Наворотим приворот,
И отыщем в двух колхозах
Не типичных голых, босых,
А приличных пару рот.

Ты б, Снегурка, не гудела,
Как сирена от ГАИ.
Навай для пользы дела
Что-нибудь под Навои...
Тут метель-пурга влетела,
Деду – хрясь и в лоб, и в тело,
Словно ящиком «Аи»...

– Будет муж, как отрок, зелен,
Разукрашен, словно ель,
А альков уже расстелен
И любовь сошла, как сель.
Мускулист, как древний эллин,
По фамилии он Лелин
И по имени он Лель.

Хоть он парень не богатый

И отнюдь не эрудит,
Но пасет он скот рогатый
И на дудочке дудит
В гараже за эстакадой
И токкатой, и стаккатой
Звонче Стасов и Эдит:

«Через годы, расстоянья,
На планете на любой
Скажешь мужу до свиданья —
Не расстанется с тобой.
Без зачачек, допитанья
Переносит испытанья
Чарро, гаучо, ковбой...»

Чарро-действие – будьте нате;
Подкатили на санях,
В небольшом пансионате
Свадьбу справили на днях.
Был и я от местной знати,
Но уснул лицом в шпинате
И нашел себя в сенях.
Клюнул жареный птенец.
Тут и сказочке конец.

Три мушкетера Д'Артаньян

*Издательству «Геликон Плюс»
и лично Татьяне Алферовой посвящается*

У русича в мошне золотой червонец,
А в ножнах меч – двуручный кладенец.
Французикам настал бы госконец,
Когда бы не родился тот гасконец.

IQ переплавляется в экую,
Как в сковородке ломтики бекона.
Бесхвостый мерин цвета геликона
Так распален, что пахнет барбекю.

А может, так воняет чебурек...
Чу, зреет королевская изменка.
Дюмою папой вывезен из Менга
Избитый, оскорбленный имярек...

Так гряньте, духовые, без сурдинок,
И геликон, и флейта, и зурна.
Один на всех, как Моська на слона,
Мой д'Артаньян спешит на поединок.

В тоске по риску шпага чиркнет риску,
А декольте откроет край письма.
Дюмовочку найдет ему Дюма —
Самой Австрийской Анны камеристку...

Про прочих слуг желанью вопреки
Прочел, катаясь в транспорте с планшетом:
«Гасконец шел по мостику. Планше там
Плевал слюной в седую рябь реки.

Стал волонтерить много и задаром,
Хоть голоден, ободран и линял,
Но шустро порученья выполнял,
Как будто зад начищен скипидаром...»

Мое стило царапало тетрадь.
Бумага терпеливая стенала:
«Нашинковав гвардейцев кардинала,
Друзья любили выпить и пожрать».

Сюжет зовет, и двинул за Ла-Манш
Сэр Бекингэм с подарком королевы,
А поцелуй замужней знойной девы
Дал д'Артаньяну стимул и карт-бланш

Лупить врагов по печени и харе,
В Париже и за много сотен лье,
Но есть у кардинала Ришелье
Блондинистый аналог Маты Хари.

Такой вот возведенный в абсолют
Образчик зла и бабского коварства.
Секс-бомба подрывает государства,
Подвески режет, травит женский люд.

Скопытились мужья и женихи —
Все, кроме благородного Атоса.
Тот палача надыбал, и гундосо
Наш Арамис ей отпустил грехи.

(Казнить в лесу, считаю, незаконно
Пусть даже за убийство, шпионаж.)
«Пора-пора» – хрипит мой персонаж
Под траурные звуки геликона.

И все бы ничего, но кардинал,
Им предлагая выбрать номинанта
На получение чина лейтенанта,
Придумал мерзопакостный финал,

Который стал позорным приговором.
Будь миг повествованья окаян,
В котором, словно Брежнев, д'Артаньян
Почти взасос целуется с Рошфором.

Ведь джентльменский список – не мушкет,
Не стрельнуть, но контузить и огреть им
Нетрудно, и Рошфор там будет третьим

По списку, за Констанцией и Кэт.

Мастер и Маргарита Кот Бегемот и Коровьев-Фагот

1

Призрачно все

«Вечный покой», спотыкаясь на лирике,
Мимо него пролетает как МиГ,
А для кота, что упал у Москвы-реки,
«Есть только миг, ослепительный миг».

Чем дорожу я, глумясь и актерствуя?
«Мигом одним, только мигом одним».
Жизнь шутовскую отдал Воландерству я.
Просит мессир поВоландаться с ним.

Зря ты, Марго, меня за ухо дернула.
Тут я и понял Мазоха ль, Рембо ль.
Мне очевидна любви твоей формула.
В этой любви обязательна боль.

Я ж без болей, словно лампочку, голову

Выкручу враз, а затем украду.
Свист мой, похожий на арфу эолову,
Вырвет дубы и березы в саду.

Был я шутком, но не «сникерс», не «виспа» ведь
Жизнь у шута. Остывает мой пыл...
Клетчатый тоже приперся на исповедь.
Знаешь, когда-то он рыцарем был.

2

Знаешь ли, деточка...

– Брысь, черномазый! (Послал, но не матерно.)
Клеточки в тренде плюс адский дресс-код.
Ты приглядиись ко мне, Рита, внимательно:
Трудно свой хлеб добывает Фагот.

Скучно без перчика, Риточка, пресно-то.
Вешаться впору, ядрит-ангидрид.
И хоть очко у меня уже треснуто,
«Воздух усталые силы бодрит».

Воланд велел подудеть на дуде его:
Рвать векселя и крутить вензеля.
Видела Рита, полет Лиходеева?
Разве сравнится с полетом шмеля?

Вырядил теток атласно-муарово,
И никаких мне за это ковриг.
Разоблачил при жене Семплеярова.
Кучу фальшивых червонцев настриг.

Больше не сыщешь в шалмане ни корочки.
Сколько дотла погорело жратвы!
Свисну, и все Воробьиные горочки
Ямками станут на карте Москвы.

Рыцарь, но слаб в фехтованье и боксе я.
Плоские шутки одни на уме.
Правда, Маргоша, навеки зарекся я
Впредь каламбуричь о свете и тьме.

Собака Баскервильей Доктор Ватсон

Я выжимал улики из-под палки,
А Шерлок понукал: «Не перегни».
Я не вступаю с мэтром в перепалки,
Ведь от бездоказательной фигни
На Бейкер-стрит подрагивают балки
И в канделябрах прыгают огни.
Но в этот раз платок на рот набросьте.

Я расскажу о тайнах черной трости.

Хозяин эскулапил понемногу,
И кое-кто пока еще живой.
Не раз лечил поломанную ногу
Писательнице с рыжей головой.
Поэту «Че» он вылечил изжогу
Уколом в центр мышцы тыловой.
Помазал йодом прыщ на морде мэра...
Пожалуй, всё о трости Мортимера.

«Нет ничего похожего в помине!» —
Воскликнул Холмс, а старая карга
Разулыбалась, глядя, как в камине
Изящная трясется кочерга.
Вдруг Хадсон подорвалась, как на mine,
К продолговатой скважине замка.
Гость поклонился: наше, мол, hello вам.
Я удивился сходству со Стебловым.

Гнусавый терапевт из Девоншира.
Нам прочитал легенду, а она
Поведала про поместь стаффордшира
И дикого арабского слона,
Который был доставлен из Алжира.
Врач рассказал, что это за страна.
Наворотил таких каменоломен,
Что я лицом стал вылитый Соломин.

«Запомни: баронет, а не виконт он,
А ты ему – надёжа и оплот, —
Сказал мне Холмс. – Бросай немедля Лондон.
Мне недосуг скататься до болот:
У юной мисс сорвал с груди кулон дон.
Дон Хулио у милой мисс Шарлотт... —
Потом высокопарно так: – А че ты?
Расследуй сам и высылай отчеты».

«Сэр Генри, распрощавшийся с Оттавой,
Усатый, хамоватый баронет,
Овсянку ест, зовет ее отравой,
Продажных женщин водит в кабинет...»
(Отчеты Холмс велел писать октавой.
Он не любил классический сонет.)
Я срифмовал отнюдь не бестолково,
Что баронет похож на Михалкова.

Я написал о людях неолита,
Что старый Френкленд – конченный дебил,
Про то, что мне на ужин не налито,
А Генри весь коньяк употребил,
Как ест и пьет болотная элита
В тумане, доходящем до стропил,
Что хрен с горы исчез, в тумане канув.
По внешности – артист В. Б. Ливанов.

Вчера сэр Генри втюрился в красотку,
Похожую на Купченко весьма.

Уж лучше заработал бы чесотку,
Чем это помутнение ума...
Я прочесал ту самую высотку.
Нашел в пещере два своих письма.
Возможно, что подробности излишни,
Но рядом Холмс был с трубкою из вишни.

Он мне сказал: «Сходи парашу вылей!» —
И скрипку взял из клена и сосны.
Собака выла, Холмс смычком подвыл ей.
Нюансы дела, стало быть, ясны...
Издатель мой «Собаку Баскервилей»
Успеет напечатать до весны.
Лицо убийцы Шерлоку знакомо:
Он вылитый Янковский из Ленкома.

Обломов

Андрей Штольц

Мой друг из породы святых лежебок.
Не бегал служить в департамент,
Ленился сажать под окошком дубок,
Для дома ваять фундамент.

В расплывшийся шар превращался овал,
Закутавшийся в халатик,

Но сына родил и Андрюшей назвал,
Как рулькой заел салатик.

Однажды проездом из Брянска в Париж
Я свел его с барышней Олей.
Сказал: «В облаках ты напрасно паришь.
Ныряй в ее рай бемолий.

Жиреешь, дружище, но вот в чем нюанс:
Под жиром дрожит мембрана,
Которую мигом разбудит романс
Вибрирующим сопрано.

Пошли поскорее, Обломов, щи на...
И пудинг, и кресло с пледом.
Плетешься, а эта обломовщина
Ползет за тобою следом.

Ты с Оленькой будешь верхом и пешком,
В обнимочку и впритирку.
Огреет любовь тебя пыльным мешком.
Мешок отнесешь в стирку.

Любовь – тяжеленный, но сладостный труд.
Пора покорять вершинку.
В Обломовке есть заболоченный пруд.
Для Оли сорвешь кувшинку.

Я еду в Житомир, оттуда в Париж,

Пока разберусь с Европой,
Ты подвиг Геракла не повторишь,
Но Муромца-то попробуй...

В награду от Оленьки – дружеский чмок,
Как вензелек с амуром...
Илюша пытался – не смог, занемог:
Обломовка, чай, не Муром.

Да так и отчалил в бездонный астрал,
Где нет ни долгов, ни правил.
Он дерево выдрал, именье проспал,
А сына родил и сплавил.

По мотивам произведений М. Горького Диалог Сокола с Буревестником

Буревестник

Скажи-ка сокол, ведь недаром,
Как будто гузку скипидаром
Натерли, ты спешил.
Внизу нора, за ней берлога.
Ты выбрать мог для диалога
Медведей и шиншилл.

Мог, изумрудный сын рептилий,

Слезую брызнуть крокодилей,
Тоскуя и тужа,
Но для последней птичьей притчи
Ты из лесной и горной дичи
Им предпочел ужа.

Сокол

Был путь к нему далек и долог.
Не отличал, как орнитолог,
Я куриц от гагар.
Крылатый корм для пищи – норма.
Мне параллельно для прокорма
Что коршун, что Икар,

Пегас, квадрига Аполлона
И в пестрых крыльях из нейлона
Бесстрашный экстремал.
Мой клюв – аналог мясорубки.
Тебе же только боцман с рубки
Внимательно внимал.

Буревестник

Порхал бы лучше по-над КАДом,
Не приставал к ползучим гадам,
Клевал, что чайки жрут.
Змеиный год ползет на убыль.
Свободы ищешь, уж не Куба ль

Пересекла маршрут?

Сокол

Нет, просто Уж. Над водной гладью
Не воспарю упругой статью;
Я под зубцами гор
Кончаюсь, мру, мгновенья тяжки.
Пусть конь в пальтишке ли, в куртяшке
Летит во весь опор.

Буревестник

Калорий меньше в рыбьих жабрах,
Но спели песнь безумству храбрых
Седые гребни волн,
И соловей в лазурной сини,
И самолет на керосине,
И мчащий в космос челн...

Сокол

И аниматор с теплохода...
Вот у меня была охота.
Я бился за шашлык
В глубоком узком буераке.
Волк саданул в неравной драке
Под сердце острый клык.

Буревестник

Ну, тоже мне кино Гайдая!
Вот я, от радости рыдая,
Поджар и бледнотел,
Вовсю горланил, брови хмуря,
Что буря, скоро грянет буря,
И в молнию влетел.

Сокол

А может быть, в кастрюлю кока.
Ни дать, ни взять – кино Хичкока.
Он в птицах знает толк.

Буревестник

Не для ужа, а для варана
Байда, как ты клевал барана,
Когда вмешался волк...

ВРИО автора

Бой разгорелся не мультяшный,
Мат птичий тридцатиэтажный —
Не пение харит.
Смешались в кучу когти, клювы,
А ОН на вопли вышел. «Ну вы,
Блин, дали», – говорит.

Приборчик крутит типа пульта.
– Вас раскидает катапульта
В открывшийся портал.
Ад обозвав многоэтажкой,
Стал буревестник райской пташкой,
А сокол адской стал.

Капитанская дочка Смысл жизни Петруши Гринева

Прониклись скользкие, как слизи,
Любовью к барскому сынку.
Не четок контур смысла жизни,
Но есть шпажонка на боку.
В белесых, парных, невесомых
И безупречных хромосомах —
Дворянский титул, триста душ,
Тулупчик заячий от стуж,
Под ним два крохотных погона
Птенца петровского гнезда.
Велит счастливая звезда
Наружу выбраться из лона.
Родился, вырос, и Бопре
Презентовал ему амбре.

От языков и фехтованья
Француз лечился коньяком
И папой не без основанья
Был послан русским языком,
А следом сын от глаз далече.
Уж епанча сдавила плечи,
А кучерявый драматург
Загнал юнца под Оренбург —
Махать клинком, сверкать эфесом.
Маман кропит слезой надел,
А Петя, как хомут, надел
Событий цепь в два пуда весом,
И дабы лязг ее не смолк,
Он к слову «честь» прибавил «долг»

Ударом кия мимо лузы...
Под Каберне или Мерло
Бопре доехал до Тулузы,
А наших снегом замело:
И Петю, и оруженосца.
К ним, околевшим от морозца,
В костюме драного жлоба
Неотвратимо прет судьба.
Но с бородатою канальей,
Поскольку парень был не глуп,
Поладил, выделив тулуп.
А предложил бы он вина ль ей?
Да, предложил, но не кальян —
Кальян не курит Емельян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.